

Борис ЕФРЕМОВ

ВЛАСТИТЕЛЬ СЛАБЫЙ
И ЛУКАВЫЙ

Роман в стихах

18+

Борис Алексеевич Ефремов Властитель слабый и лукавый. Роман в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49613386

SelfPub; 2020

Аннотация

Тема власти в русской поэзии всегда была на высоте. Вспомним пушкинского "Бориса Годунова", лермонтовскую "Песню про царя Ивана Васильевича", "Двенадцать" Блока, "Баню" Маяковского, "Страну негодяев" Есенина. Роман в стихах Бориса Ефремова "Властитель слабый и лукавый" – после многолетнего перерыва в нашей литературе – вновь возвращает читателей к явлениям жизни, без которых существовать она, по природе своей, не может. Мы вновь вместе с современным мастером художественного слова погружаемся в проблемы, без решения которых России не возродиться, не достигнуть прежних православных высот. Поэт вновь демонстрирует разностороннее мастерство, глубину проникновения в нынешнее бытие, в разлагающиеся до анархии нравы толерантной эпохи, задыхающейся в безбожии и безнравственности. Поражает прежняя вера автора в возможность возвращения нашей страны к жизни светлой, справедливой, подчинённой законам Христовой

Истины. Роман читается на одном дыхании, как все вещи Бориса Ефремова.

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...*

А .С. ПУШКИН.

«Евгений Онегин. Десятая глава»

I.

О нём мы очень мало знали,
А если точно – ничего.
Спецслужбы бережно скрывали
От нас деяния его.
Сначала слабо просочилось,
Как чадо зрело и училось,
Беря Дзержинского в пример
(И всех, кто был из этих сфер).
Поздней в Германии Восточной
Он делу Феликса служил
И сил немало приложил
(По информации неточной).
И вдруг воспитанник ЧК
Стал первым другом Собчака.

II.

С чем рыцарь ленинский сражался,
Пока в жестокости не сник,
То возродать упорно взялся
Его далёкий ученик.
Но чем сильнее он старался,
Тем гуще грязью обливался
Санктпетербургский демократ;
И вот уж жизни он не рад;
Уже грозят ему решёткой,
Подписан ордер на арест,
Вот-вот на нём поставят крест.
Но в силу чьей-то мысли чёткой
(И связей) бедный человек
В Европу совершил побег.

III.

Пока беглец живёт в Париже,
А вместе с ним и вся семья,
С его помощником поближе
Мы познакомимся, друзья.
Казалось бы, его дорога
К концу подходит, если строго;
А наш герой, как на метле,
Летит, – и вот уж он в Кремле.
Тогда усердно золотили

Узоры залов и палат.
Был этому всех больше рад
Пал Палыч. Золотистой пыли
Садилось более всего
На пальцы толстые его.

IV.

И пальцы эти так блестели,
Как блещет в молниях гроза!
Но видеть их не захотели
Чекиста острые глаза.
Увы, могли они ослепнуть,
А взгляду надо было крепнуть,
Чтоб в нём однажды заблистал
Почище золота металл.
И только этот факт случился,
Как наш удачливый герой,
Опять приласканный судьбой,
Вдруг на Лубянке очутился —
Главой того, что выше сил
Всю жизнь свою боготворил.

V.

И только службу он возглавил

И мир хозяйски оглядел,
Как тут же случай предоставил
Арену для великих дел.
Повсюду, как с цепи сорвались:
Мол, власти вдрызг заворовались,
А президентская семья,
Так та совсем через края...
К тому ж выплачивать зарплаты
В стране не стали; гнев вскипал;
Вздымались, как девятый вал,
Врачи, шахтёры, депутаты;
И Рохлин молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

VI.

Гроза означенного года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог? —
Нам вновь помог герой наш скромный.
С своею армией огромной
И сплошь невидимой к тому ж,
Наколотил он уйму груш.
Шахтёры на мосту Горбатом
Не стали касками стучать.

«Езжайте деньги получать», —
И те разъехались по хатам.
(А получили или нет,
Для всех для нас пока секрет).

VII.

Писаки, что взахлёб клеймили
Заворовавшихся тузов,
О многом как-то вдруг забыли
И рты закрыли на засов.
Да ведь и то – пример упрямый:
Один из них, настырный самый,
Лететь куда-то захотел,
Да больно плохо уж взлетел...
И депутаты, депутатши
(Одна из них в подъезд вошла
И до квартиры не дошла)
Притихли, приуныли так же.
И Рохлин будто и не жил —
На даче голову сложил.

VIII.

И лишь на Западе бузили:
Пал Палыч! Ельцин! Криминал!

Арестовать счета грозили;
Опять щелчок, опять скандал.
Во всё влезали, словно свёрла,
Ещё чуть-чуть, и сдавят горло,
И словно встарь – давай спасай
Нас всех, зима или Барклай.
Однако до того Баркляя
Нам далеко, как до Луны.
И сами мы уже должны
Себя спасти... Но шутка злая —
Наш кэгэбист и в этот раз
Россию от позора спас.

IX.

Премьер-министров как перчатки
Меняя, первый президент
На мастере железной хватки
Остановился в тот момент.
Закинув в угол пыльный веник,
Скакзал: «Вот Путин, мой преемник.
Прошу, друзья, любить его
Как бы Баркляя самого».
И только свежеиспечённый
Барклай принялся за дела,
Еще одна гроза пришла.

Мочённый, но недомочённый,
Чеченец, отойдя от ран,
Как тать, напал на Дагестан.

X.

И где-то, мол, на редкость прямо,
Он заявил, что всем на страх
Воздвигнет Цитадель Ислама
На русских издавна горах.
И это будет кровной мезью
За годы рабства и бесчестья,
Что горестно несёт Чечня
С того злопамятного дня,
С тех лет ермоловских, что были
Шагами первыми войны
И уж за далью не видны, —
До дней Басаева Шамиля,
С которым экстремист Хаттаб
Возглавил исламистов штаб.

XI.

И мы преемника узнали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали

У дагестанского шатра.
Он боевые вертолёты
Всей тучей бросил на высоты;
Он на чеченских поваров
Наслал спецназовских орлов;
Он все стреляющие «грады»
Направил дружно на врага.
Всё в прах – и горы, и луга!
Но, жаль, захватчиков отряды
Сквозь смертоносное кольцо
Прошли... чуть опалив лицо.

ХП.

Но что там? Месть за неудачу?
Взрывается ночная тьма,
И в столах, ужасе и плаче
Жилые рушатся дома.
Власть в этом видит след чеченцев,
Сепаратистов, отщепенцев
И террористов наконец.
И мы как гнева образец
Приводим афоризм премьера:
«Мочить – в сортире!» (то есть тех,
Кому мочёным быть не грех).
Для назиданья и примера,

Чтоб зло прикончить на корню,
Войска вторично шлют в Чечню.

XIII.

Но нынче этот вход вторичный
Был далеко уже не тот;
Не сумасшедший, а отличный —
Таким признал его народ.
И чем сильнее Чечню давили,
Тем все вокруг довольней были,
И – аж до всхлипа, аж до слёз —
Авторитет Барклая рос.
Но, если всё же правды ради,
То ниже мы признать должны,
Что часть ликующей страны
Была тогда не в авангарде:
Она считала, что война
Нам вовсе даже не нужна.

XIV.

Она и нынче твёрдо верит,
Что тот налёт на Дагестан
Был не налёт, по крайней мере,
А хитрый ход, подвох, обман.

И Дагестан, и тут же взрывы
Рождали мощные порывы
Из гнева, страха и вражды,
Которые, как вал воды,
К войне препоны разрушали,
Но уж военные дела,
Шамильский дух спалив дотла,
Власть вороватую спасали
И позволяли, так сказать,
Ещё прилежней воровать.

XV.

В те дни в печати утверждалось
(Какой геройский взлёт в судьбе!),
Что это всё осуществлялось
Согласно планов ФСБ;
Мол, с Березовским сам Волошин
Был к исламистам в пекло брошен
За деньги их уговорить
Погуще кашу заварить;
И прогремевшие теракты,
Мол, дело тех же грязных рук;
Обычный кэргэбэшный трюк;
Не более; и есть, мол, факты;
И даже Лебедь, генерал,

Об этом где-то вслух сказал.

XVI.

Но в это не хотелось верить,
Как в жуть и кровь тех славных дней,
Когда полки дзержинских, берий
«Взрывали» мирный быт людей:
Расправами над кулаками,
Доносами и «воронками»,
Расстрелами во тьме ночей
И чёрным адом лагерей...
И тем тревожным сообщениям
Значенье мало кто придал.
Шёл на Чечню военный вал.
Копился счёт людским мученьям.
И о походе новом том
Враньё тучнело с каждым днём.

XVII.

И чем жирнее, тем тяжеле.
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле,
Как бы воды набравши в рот,
Властям кремлёвским веришь, веришь

И бездну лжи их не измеришь,
Хотя под ней почти уж век
Страдает русский человек...
Начало сей эпохи гнусной
Своим явленьем освятил
Ульянов (Ленин). Малый был
Авантюрист, драчун искусный,
Кто Русь в семнадцатом году
Предал бесплатному труду.

XVIII.

Его сменил Иосиф Сталин.
Коварен, непреклонен, крут,
На новую ступень поставил
Сей новый вождь бесплатный труд.
Он этим мощь страны умножил,
Но пол-России уничтожил,
А остальную сжал в кулак
И превратил в сплошной ГУЛаг.
За Сталиным к штурвалу власти
Пришел Георгий Маленков.
Он славы не сыскал венков;
С Хрущевым по партийной части
Рассорился, и был таков,
Пополнив клан директоров.

XIX.

Но кто же он, Хрущёв Никита,
Ниспровергатель, реформист?
Им рака Сталина разбита,
Но был он ярый коммунист:
Свободомыслящим разносы
Творил, и укрупнял совхозы,
И от бесплатного труда,
Как говорится, – никуда.
Потом возрос над Русью Брежнев,
Любимый Леонид Ильич.
Но снова продолжали стричь
Безмолвный люд в манере прежней,
За труд его лишь так платя,
Чтоб не расплакалось дитя.

XX.

Дитя не плачет. Горы злата
От недоплат больших растут.
А Русь, как прежде, небогата,
И через пень дела идут.
Блеск управлений, трестов, главков
И нищета пустых прилавков,

И как в Москве, к творцу идей,
Везде хвосты очередей.
Поднялся ропот как ни странно,
Но эта хилая волна
Угасла. Грянула война
В отрогах гор Афганистана,
И сотни цинковых гробов —
Как плётка по гребтам рабов.

XXI.

Позднее, волей Провиденья,
Пришел Черненко Константин;
Печальный срок его правленья
Промчался, словно день один —
Бессодержательный и скучный,
Тупой, унылый, однозвучный,
Уже готовый в мир иной, —
И марш Шопена над страной.
Как будто в этой скорби марша
Вся скорбь российская слилась.
Как будто жизни нашей грязь,
Безмолвие и рабство наше
Просили их избыть, изжить
И поскорей похоронить.

XXII.

Но тут чекист Андропов Юрий,
Держинец твёрдый, как скала,
В развальный хаос внёсся бурей,
Чтоб вновь России удила
Рукой бестрепетною вздёрнуть;
И только клич успел исторгнуть
Про дисциплину и про труд,
Как что-то с ним случилось тут.
И заструились ручеёчки
Опасных слухов, что враги
Посредством пули иль ноги
Андропову отбили почки.
И он не сделал ничего,
И марш Шопена взял его.

XXIII.

Взлёт Михаила Горбачёва
Таким же неизбежным был,
Как неизбежно жизни слово
Среди безжизненных могил.
Но, начиная перестройку,
Он даже общую попойку
(Хоть дал приказ лозу рубить)

Не смог в стране остановить.
И, сняв запрет цепей цензурных,
Он оказался не готов
Корней коснуться и оков
Коммунистических, структурных.
Так, слово с делом не роднит
То, что в ушах оно звенит.

XXIV.

Бориса Ельцина деянья
Вошли в девятую главу
Эпохи гнусности сказанья.
Как Воланд, въехал он в Москву,
Чтоб ниспровергнуть ад советский.
Но то, что хваткой молодецкой
Враг коммунизма разрушал,
Коварный век воссоздавал
Подобием другого ада —
Коррупцию, за власть грызню,
Раздел богатства, и Чечню,
И всё такое – до упада.
Одна невыплата зарплат,
Скажите, чем не новый ад?

XXV.

Не отрицая роль героя,
Его энергию и труд,
Мы знаем, что основы строя
Века былые создают.
Иван Ильин, философ русский,
Наш кругозор подправил узкий,
Он доказал, что коммунизм
Не кто-то, а людская жизнь
В своём движенье породила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.